

Роль японской военной миссии в Харбине в постановке идеологических задач для русской эмиграции в Маньчжурии в 1932–1945 гг.

Е. В. Яковкин

В статье рассмотрен вопрос взаимодействия Японской военной миссии и русской эмиграции в Маньчжурии. Особое внимание обращено на попытки японских военных определять идеологию русских эмигрантов в период Второй мировой войны в рамках концепции «Великой восточноазиатской сферы всеобщего процветания».

Ключевые слова: российская эмиграция, Маньчжурия, Маньчжоу-Го, Японская военная миссия, Квантунская армия, Япония.

Японская военная миссия в Харбине (ЯВМ) была создана в 1918 г. С этого времени она начала вести разведывательную деятельность в Маньчжурии. Она активно взаимодействовала как с маньчжурами, так и с китайцами, но особую роль в ее работе играли русские¹. После окончания гражданской войны в России деятельность ЯВМ продолжилась. Ее деятельность активизировалась после создания в 1932 г. Маньчжоу-Го (Маньчжу-Ди-Го). Руководители ЯВМ делали ставку на русскую эмиграцию в построении нового государства в Маньчжурии и в предпологаемой войне с СССР. В данной статье на примере ЯВМ мы рассмотрим, как развивалась политика японских властей в определении идеологических установок для русской эмиграции, какие задачи и цели ставили японские военные в период существования Маньчжоу-Го.

В первые годы японской оккупации Маньчжурии активную работу с эмигрантами вел Акикуса Сюн, который с 1931 г. занимал должность заместителя начальника ЯВМ, а также был начальником русского отдела ЯВМ. Акикуса считал, что русскую эмиграцию необходимо объединить, чтобы ее можно было использовать в антисоветских восстаниях и диверсиях на советской территории. Главой русской эмиграции, по мнению майора Акикуса, должен был быть атаман Семенов. При содействии ЯВМ в 1935 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. В это время Акикуса уделял особое внимание русским фашистам во главе с К. В. Родзаевским, они привлекались и для диверсий против Советского Союза. В 1937 г. Акикуса Сюн был переведен на другую должность, после этого дела идеологических установок в основном вели сами начальники ЯВМ².

¹ Полутов А. В. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН (Владивосток). 2012. № 4. С. 72.

² Справка 2-го отделения 1-отдела УНКШБ по Хабаровскому краю на начальника японской военной миссии в Харбине генерал-майора Акикусу Шун // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. Победа. М.: Кучково поле, 2015. С. 219–224.

С началом Второй мировой войны начальники ЯВМ стали выступать с публичными заявлениями в русской эмигрантской периодической печати (журналы «Рубеж», «Луч Азии», «Друг полиции», газеты «Харбинское время», «Голос эмигрантов»).

В 1940–1943 гг. начальником ЯВМ был Янагита Гендзо. В 1941 г. харбинский журнал «Рубеж» выпустил материал, посвященный начальнику ЯВМ. Материал представлял собой биографию генерала, а также интервью с ним. В статье приводится следующая восторженная оценка деятельности генерала: «Чутко и заботливо относиться ген. Г. Янагита к нуждам населения, способствуя осуществлению идеи дружного сотрудничества на общее благо всех народностей, населяющих страну, устройению их духовного и материального благополучия. [...] Особенно любим и уважаем ген. Г. Янагита русской эмиграцией, к которой он относится с исключительным доброжелательством, симпатией и заботливостью. Многочисленные проявления доброго отношения ген. Г. Янагита к эмиграции у всех на виду – о них говорят все деяния начальника миссии. Он, действительно, является верным и искренним другом русских эмигрантов»³.

В своем интервью Янагита ясно указывает на цели и задачи русской эмиграции в Маньчжурии. В частности, он заявляет в своем интервью: «Русские эмигранты продолжают стойко отстаивать антикоммунистические идеалы, оставаясь непримиримыми к коммунизму и воспитывая в этом духе и свою молодежь. Живя здесь, в Маньчжу-Ди-Го, русские эмигранты, пользуясь равными правами с остальными населяющими страну народностями, упорно трудятся и принимают участие в общем строительстве государства. Эта стойкость русской эмиграции и привлекает к ней наши симпатии».

Касаясь отношения русской эмиграции к японскому командованию, Янагита отметил, что русская «эмиграция должна всегда верить нам, верить в искренность наших добрых отношений к ней, в готовности помочь ей и вместе с тем должна исполнять свой долг среди пяти народностей страны и являться примером лучших граждан государства. Среди эмиграции часто возникают ложные неосновательные слухи, но это может быть потому, что она не имеет еще достаточно крепкой духовной базы и душевного спокойствия. Над этим положением эмиграция должна сама хорошенько подумать и не придавать значения различным слухам. Они рождаются от душевных колебаний, а чтобы изжить эти колебания, эмиграция должна быть крепкой и единой»⁴. Янагита призывал русскую эмиграцию исполнить свой дог по «строительству» Маньчжоу-Го, быть единой и верной Японской военной миссии и

³ Генерал Г. Янагита о себе и о российской эмиграции // Рубеж (Харбин). 1941. № 12 (658). С. 6–8.

⁴ Генерал Г. Янагита о себе...

Главному бюро по делам российской эмиграции (далее ГБРЭМ) в Маньчжурии.

8 июня 1941 г. в Харбине произошло важное мероприятие – открытие памятника борцам с Коминтерном. Памятник был посвящен белогвардейцам и Михаилу Натарову, павшему в боях с Красной Армией в ходе номоноханского инцидента в августе 1939 г. В открытии памятника принимали участие официальные лица, которые играли важную роль в русской эмиграции. Это и начальник ГБРЭМ генерал кавалерии В. А. Кислицин, и подполковник Гурген Наголян – представитель воинского соединения армии Маньчжу-Ди-Го отряда «Асано», где служили русские эмигранты. С речью выступил начальник Японской военной миссии генерал Янагита Гэндзо.

Янагита, в частности, заявил: «Мир оказался в настоящий момент в полосу неопределенности и внезапных перемен. Европейская война в своем неизбежном расширении охватила Ближний Восток. Но в Восточной Азии, через расцвет и рост Ниппон и Маньчжу-Ди-Го, неуклонно приближается к заветной цели дело установления новой, справедливой системы межгосударственных отношений»⁵.

Таким образом, в речи затрагиваются важнейшие международные события. Уже второй год идет мировая война, которую Янагита называет «Европейской». В своей речи генерал особый упор делает на роль Японии и Маньчжоу-Го в деле создания нового порядка в Восточной Азии. В продолжение своей мысли Янагита отмечает, что, «быть может, мы и запоздали в выполнении нашего святого долга перед погибшими», но, тем не менее, никогда не поздно почтить память погибших, поскольку это событие «освещает значение создания Маньчжу-Ди-Го и пропагандирует великую идею *хакко ичи-у* – мир под одной крышей»⁶. В этой паназиатской идеологии особо отмечалась главенствующая роль Японии при «новом порядке».

Генерал продолжал: «Теперь, через десять лет после основания Маньчжурской империи, на несокрушимом фундаменте покоится ее правовой порядок, растет хозяйство и крепнет государственная мощь. Одновременно с этим несравнимо поднялся и международный авторитет Империи среди других держав мира. В этом поразительном успехе, за столь короткий промежуток времени, немалую роль сыграли и российские эмигранты, нередко жертвовавшие своими жизнями для прогресса Азии и устройства жизни на справедливых принципах Ван-Дао (совершенного правителя. – Е. Я.) и дружественного единения наций...»⁷.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз в Маньчжурии состоялся съезд руководителей русской эмиграции, который проходил

⁵ Открытие памятника борцам с коминтерном // Луч Азии (Харбин). 1941. № 6 (82). С. 29–32.

⁶ Там же.

⁷ Открытие памятника... С. 29–32.

в Ямато-отеле. Вступительную речь произнес начальник ГБРЭМ генерал В. А. Кислицин. Он подчеркнул исключительно благожелательное отношение к российской эмиграции японского военного командования. Далее выступил генерал Янагита, который отметил необходимость сплочения русской эмиграции вокруг руководящего эмигрантского органа – Главного бюро. Янагита закончил речь такими словами: «В последнее время темные элементы распространяют различные безосновательные и ложные слухи, но нужно твердо помнить, что политика Маньчжу-Ди-Го, в соответствии с основной идеей маньчжурской государственности, не изменится никогда»⁸. Это последнее заявления было обусловлено подписанием договора о ненападении между СССР и Японией, что вызвало волну недовольства и разочарования среди русской непримиримой эмиграции, ставившей своей конечной целью свержение коммунистического режима. Ситуация стала еще более запутанной после начала войны Германии против СССР, в которой Япония не участвовала. Тем не менее, японское командование обнадеживало русских эмигрантов, что Советский Союз остается главным врагом, рано или поздно война между Японией и СССР произойдет, и в этой войне эмиграция должна будет сыграть свою роль.

В связи с этим велась работа с руководством ГБРЭМа, а также с казачьей эмиграцией. Так, 15 октября 1941 г. прошел казачий съезд в Хайларе. На нем присутствовал генерал А. П. Бакшеев (доверенное лицо атамана Семенова), а также начальник ЯВМ в Хайларе генерал Сугинами. Генерал Бакшеев говорил про начавшееся «крушение демократизма в мире и гибель коммунизма на нашей Родине России». Он заявил: «Порабощенные народы России хотят видеть в этом знамении Всевышнего – новый строй новой национальной России. Эти неожиданные мировые события... диктуют быть готовыми к любой жертвенности, а потому необходимо еще больше возвысить дух, закалить тело для подвигов, для борьбы с поработителями. Внутренние и внешние условия как никогда способствуют этому успеху борьбы».

Генерал Сугинами заявил: «Все ваши помыслы и энергия должны быть направлены к созданию самой твердой спайки среди эмиграции, к проявлению строгой лояльности к народам страны, где вы живете, и к активной борьбе с общим врагом – коммунизмом во всех проявлениях»⁹.

27 ноября 1941 г. в Харбинском железнодорожном собрании прошел Бал российских дружинников. Там присутствовали представители ЯВМ во главе с генералом Янагитой. Бал должен был послужить укреплению русско-японской дружбы, готовности русских дружинников защищать «новый порядок» и выполнять трудовую повинность¹⁰.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Казачий съезд в Хайларе // Луч Азии (Харбин). 1941. № 10 (86). С. 33.

¹⁰ Аргус. Смотр молодежи Харбина. Бал русских дружинников // Рубеж (Харбин). № 10 (724). С. 18.

Первоначально японское командование готовило русскую эмиграцию к войне против Советского Союза, но теперь главным врагом оказались США и Великобритания. После нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. для Японии началась война, получившая официальное название «Великой Восточно-Азиатской войны». ЯВМ в Харбине и ее филиалам предписывалось разъяснять новые цели русской эмиграции, но не забывались и старые.

По инициативе ЯВМ 21 июля 1942 г. в отеле «Нью-Харбин» прошло совещание по вопросам воспитания русской молодежи Маньчжоу-Го. С речами выступили Янагита Гэндзо и начальник ГБРЭМ В. А. Кислицин. Янагита в своей речи акцентировал внимание на правильном воспитании молодежи, которая должна всемерно поддерживать Японию и Маньчжоу-Го. Он, в частности, отмечал: «В связи с быстротемпным развитием мировых событий имеет исключительно важный характер воспитание молодежи на принципах обновления духа». Далее генерал отметил, что большую роль в воспитании молодежи играет введение военного обучения в российских эмигрантских школах, а также проведение летнего военного лагеря, «в котором российская эмигрантская молодежь получила военную предварительную подготовку, показав блестящие успехи, что меня очень порадовало». В своей «инструктивной речи» генерал Янагита пытался связать мировые события и ту роль, которую должна играть российская молодежь, живущая в Маньчжурии. В своем выступлении перед эмигрантским руководством Янагита также говорил: «В настоящее время в Восточной Азии Ниппонской империей ведется борьба за построение нового, светлого порядка, дающая исключительный, небывалый в истории результат... Российские эмигранты должны быть участниками ведущейся священной борьбы, и помнить, что участвуя в борьбе, они тем самым делают большой шаг вперед для достижения своей национальной цели... Российская молодежь, родившаяся для созидательной работы в такой исторический и критический момент, должна в будущем принять участие как святая сила будущей, великой созидательной войны». Обращаясь к руководству ГБРЭМ, Янагита заявил: «Я прошу вас, когда вы приступите к воспитанию молодежи, стойте на передовой линии работы и показывайте первый пример, для того чтобы молодежь была трудолюбивой, честной, храброй, а также исполняющей полученные задания и хорошо понимающей современное международное положение, не поддающейся провокации третьих государств, не поступающей легкомысленно, обладающей крепким антикоммунистическим духом и жертвенным характером».

В ответной речи генерал В. А. Кислицин декларировал: «Мы, старшее поколение эмиграции, желаем видеть нашу молодежь воспитанной в национальном духе, в духе преданности идеалам Святой Православной Руси, в духе сознания священного долга – борьбы с коминтерном и его союзниками – англосаксами, с которыми доблестные армии и флот

Великого Императорского Ниппон ведут героическую борьбу за торжество нового, светлого порядка в мире»¹¹.

В марте 1943 г. новым начальником ЯВМ стал генерал-майор Дои Акио, который продолжил политику своего предшественника. 16 марта 1943 г. на харбинский вокзал прибыл поезд с Дои. Ему была устроена торжественная встреча. В этот же день Дои вместе с высшими чинами ЯВМ принял начальника ГБРЭМ В. А. Кислицина. Начальник ЯВМ, обращаясь к начальнику ГБРЭМ, дал ему следующие указания: «Мне известно, что вы, как глава российской эмиграции в Маньчжурской империи и Квантунской области хорошо понимали цели нашей армии, стремились к объединению всех российских эмигрантов и постепенно достигли в этом отношении успехов. Этим фактом я чрезвычайно доволен. Безусловно, в направлении руководства нашей армии российской эмиграцией не предстоит никаких изменений. Поэтому, точно выполняя мои приказы, относитесь ко мне так, как вы относились к прежнему начальнику Военной миссии и храня доверие к Ниппонской Императорской армии. Повышайте антикоммунистический дух. Стремитесь к полному объединению всей эмиграции вокруг Бюро. Сохраняйте простоту в жизни и твердость. И также я искренне желаю, чтобы вы являлись примером образцового руководителя в антикоммунистической борьбе».

В ответном слове В. А. Кислицин заявил: «Возглавляемая мною российская эмиграция считает себя целиком в распоряжении Императорского военного командования и всегда готова выполнить свой долг благодарности перед ним. Главное Бюро по делам российских эмигрантов руководит деятельностью эмигрантов по указаниям Императорской военной миссии в Харбине, строго выполняя все ее распоряжения»¹².

Основные же установки относительно российской эмиграции Дои Акио сделал 26 марта 1943 г., выступая перед журналистами. Он заявил: «Я надеюсь, что все российские эмигранты будут еще более укреплять тесную, объединенную работу вокруг Главного бюро и еще более активно содействовать важным задачам в деле устройства нового порядка на Востоке Азии и в непрестанной борьбе с коминтерном... Задачей российских эмигрантов в данных условиях является сохранение ясной, неколеблющейся и ответственной позиции, чтобы не поддаваться различным провокаторским обращениям, прекращать в корне всякие вздорные слухи, сокрушать все попытки темного англо-саксонского вмешательства и довести до победного конца борьбу против коминтерна»¹³.

¹¹ Великие цели перед российской эмигрантской молодежью и ответственные задачи ее воспитания // Голос эмигрантов (Харбин). 26 июля 1942. № 31 (219). С. 7.

¹² Начальник Ниппонской Императорской военной миссии генерал-майор А. Дои прибыл в Харбин // Луч Азии (Харбин). 1943. № 3 (103). С. 57.

¹³ Слово начальника Ниппонской военной миссии генерал-майора А. Дои // Друг полиции (Харбин). 1943. № 5 (63). С. 1–2.

Однако в ходе войны все больше внимания в обращениях к русской эмиграции в Маньчжурии уделялось «Великой Восточно-Азиатской войне», исчезают упоминания про грядущую войну с Советским Союзом. Так, в начале 1944 г. в новогоднем обращении к русской эмиграции Дои заявил: «Российские эмигранты, принадлежащие к семье народов Маньчжу-Ди-Го, должны также участвовать в этой величественной Священной войне, проводя основной принцип – делить вместе с Ниппон и Маньчжу-Ди-Го и радость и горе, и жизнь и смерть»¹⁴.

К этому времени вся жизнь русских эмигрантов была милитаризована. Еще в конце 1943 г. стали создаваться Русские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го (РВО) по примеру отряда «Асано». В создании РВО активное участие приняла Японская военная миссия. Согласно указаниям Квантунской армии, сотрудники ЯВМ должны были участвовать в подготовке, наборе и в делах резерва РВО. Особенный упор делался на то, что ЯВМ должна поддерживать моральный дух бойцов¹⁵.

Для поддержания морального духа новобранцев в РВО были проведены отрядные праздники: 6 мая (день Св. Великомученика Георгия Победоносца) 1944 г. и 22 мая (день Св. Николая Чудотворца). На этих мероприятиях присутствовал представитель ЯВМ подполковник Маэда, который зачитал обращение Дои Акио, который не смог присутствовать лично. В тексте речи снова звучали упоминания про «Великую Восточно-Азиатскую войну». Дои призывал еще больше «проникнуться духом жизни и смерти вместе с Ниппонской и Маньчжурской империями», крепить железную спайку, повышать военные знания, равняться на командира. Его речь дополнил новый начальник ГБРЭМ, генерал Л.Ф. Власьевский: «Переживаемое время характеризуется борьбой – упорной, настойчивой и жестокой. Смысл этой борьбы вам ясен и понятен. Здесь, на востоке, она ведется Ниппонской империей во имя справедливости, за новую светлую, радостную и свободную жизнь – за новый порядок. Она ведется против гнета и жестокой эксплуатации, с носителями и проводниками мирового зла – англосаксами. Она ведется за полнокровную национальную жизнь народов, против коммунизма и его разлагающего влияния. Ведущаяся восточноазиатская война таит большие возможности для нас, российских эмигрантов, открывая перед нами светлые желанные горизонты». Таким образом, главным врагом

¹⁴ К решительной победе над врагом. Новогоднее заявление начальника Императорской военной миссии А. Дои // Луч Азии (Харбин). 1944. № 1 (112). С. 1.

¹⁵ Основные указания разведотдела Квантунской армии об увольнении из белоэмигрантских воинских частей в Маньчжурии. 10 января 1944 г. // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. V. Кн. 1. Вперед на Запад (1 января – 30 июня 1944 г.), М.: Кучково поле, 2007. С. 593–594.

стали англосаксы, а уже затем говорилось о необходимости борьбы с коммунистическим режимом¹⁶.

В последний раз Дои Акио появился перед эмигрантами 25 января 1945 года на медицинском осмотре юношей, призываемых в РВО. Начальник ЯВМ ознакомился с ходом работы комиссии, вместе с полковником Асано Макото и подполковником Г. Х. Наголяном задал вопросы новобранцам о целях «Великой Восточно-Азиатской войны». Как сообщала эмигрантская пресса, он остался доволен ответами. В конце своего недолгого пребывания он высказал пожелание новобранцам успешно служить в русских воинских отрядах¹⁷. В феврале 1945 г. Дои Акио был переведен на должность начальника штаба 13-й армии в Шанхае. На посту начальника Японской военной миссии в Харбине его сменил генерал-майор Акикуса Сюн¹⁸.

Акикуса никаких публичных заявлений уже не делал. Более того: всякая пропагандистская деятельность фактически была свернута. В июле были распущены и РВО. Все это способствовало активизации просоветских настроений среди эмиграции и провалу пропаганды и идеологических установок ЯВМ.

¹⁶ Торжества в Сунгарийском и Ханьдаохэцзском Российских воинских отрядах армии Маньчжу-Ди-Го // Луч Азии (Харбин). 1944. № 6 (117). С. 58–59.

¹⁷ Российская эмигрантская молодежь – под воинские знамена // Луч Азии (Харбин). 1945. № 3(129). 1945. С. 18–20.

¹⁸ Справка 2-го отделения 1-отдела УНКПБ по Хабаровскому краю на начальника японской военной миссии в Харбине генерал-майора Акикусу Шун // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 6. Победа. М.: Кучково поле, 2015. С. 219.